

лица русской литературы в передачах самых вроде бы порядочных людей. А демократическая «Новая газета» с восторгом пишет (в сегодняшнем номере) про товарища Варенникова⁴⁹.

И почти все уже привыкли.

Всего Вам доброго.

Ваш *НБ*

А. К. Жолковский

Тяжелая потеря

Менее всего я ожидал, что мне доведется писать о Коле Богомолове в этом жанре. Он был — оставался и теперь навсегда остался — моложе меня. Здоровый, энергичный, он работал не покладая рук, а за водкой охотно вспоминал свою футбольную юность...

Познакомился я с ним довольно поздно, где-то году в 1990-м, когда начал наезжать из Калифорнии в постсоветскую Россию. Повод был забавный. Одна американская коллега, накопировавшая в Москве массу материалов по Серебряному веку, послала их себе в Санта-Монику по почте, но они не дошли — затерялись по вине то ли почты, то ли ее собственной. Поэтому, когда я в очередной раз отправлялся в Москву, она наказала мне найти Богомолова и попросить поделиться с ней имевшимися у него аналогичными материалами. Помню, что мы встретились на Моховой, около Горьковской библиотеки (не знаю, существует ли она еще), он легко согласился помочь — и помог.

Потом мы встречались на «Баннных чтениях», и помню, как на одном из постконференционных банкетов я и сам обратился к нему за помощью — как к специалисту по Кузмину. Я тогда занимался Зощенко, а вопрос о Кузмине возник в связи с упоминанием о нем в «Перед восходом солнца» — в главке «Снова чепуха». Там он фигурирует в роли редактора толстого журнала «Современник», отвергающего рассказы Зощенко как недостаточно серьезные — «шаржи». Такого журнала в 20-е годы не было, я предположил, что, возможно, имелся в виду «Русский современник», и решил спросить главного кузминиста — Богомолова.

49 Валентин Иванович Варенников (1923—2009) — советский военачальник и российский политик, генерал армии (1978); в 1991 г. — заместитель министра обороны СССР; автор мемуаров. Активно поддержал КГЧП, хотя и не вошел в его состав. 23 августа 1991 г. арестован и привлечен к уголовной ответственности. Единственный из подсудимых по этому делу, отказавшийся принять амнистию. Оправдан по суду в 1994 г. в связи с отсутствием состава преступления. С 1995 г. — депутат Государственной думы РФ (фракция КПРФ).

Богомолов имеет в виду статью: *Измайлов В.* Сколько стоит звание Героя России, или Чью звезду отдадут Кадырову // Новая газета. 2005. № 1. 10—12 янв. С. 7. (В статье почтительно упоминается — в связи с военными событиями 1945 г. — «будущий генерал армии и главком Сухопутных войск» В.И. Варенников.)

Коля дал справку: Кузмин к этому журналу причастен не был. Тогда я высказал предположение — и Коля его расценил как вероятное, — что Зощенко, скорее всего, сознательно подменил покойным Кузминым (1872—1936) какое-то иное лицо, упоминание о котором было бы либо бестактным (например, о Чуковском), либо к 1943 году и вообще невозможным (например, о репрессированном в 1937 году А.К. Воронском или уехавшем за границу Евг. Замятине).

Мы подружились, как-то раз он гостил у нас с Ладой в Санта-Монике (и мы возили его по окрестным музеям, которые он методично посетил все), а мы, приезжая в Москву, были регулярно званы в гости и наслаждались застольем в компании общих друзей (Моники Спивак, Михаила Одесского, Сергея Гандлевского) на прочной основе угощений, приготовленных Колиной женой Наташей, прекрасной переводчицей, кулинаркой и душой этих собраний. Бывало и пито. А просторная университетская квартира на 19-м этаже, с прекрасными видами из окон и книжными стеллажами до потолка (Коля был ненасытным библиофилом) вызывала белую зависть, знаменуя заслуженную признанность ученого.

Когда я писал о мандельштамовской строчке «И гривенник серебряный в кармане» и, как обычно, обсуждал свои соображения с коллегами, Коля сказал, что насчет реального гривенника тех времен ему не все ясно. Его слова подтолкнули меня заняться этим вопросом, и ситуация оказалась нетривиальной. Позже я показал ему очередной вариант статьи, он одобрил его и дал ценную ссылку на мемуарный рассказ М.Б. Горнунга, подкреплявший мои находки.

Энциклопедическую ученость и страсть к архивным разысканиям Богомолов сочетал со вкусом к смелым интеллектуальным вылазкам и трезвой научной объективностью.

Мы с Богомоловым у скульптуры Аристиды Майоля «Река» (1939—1943) в Скульптурном саду музея Нортон Саймона в Пасадине. 10 мая 2007 г.

Фото Лады Пановой

Скорее не соглашаясь с моими демифологизаторскими работами об Ахматовой, он готов был к рассмотрению проблем ее жизнотворчества. Когда собирался фештшриффт к его 60-летию, я осторожно спросил, как он отнесся к моему докладу об Ахматовой на «Лотмановке»-2009, вызвавшему острую полемику, и он сказал, что хорошо. Тогда я с легким сердцем подал эту работу в юбилейный том «От Кибирова до Пушкина» (2011) и рад был потом узнать, что Коля остался доволен.

А через пару лет я попросил его провести презентацию сборника моих виньеток на фестивале «Книги России» в июне 2015 года — прямо на Красной площади, в двух шагах от Мавзолея. Он согласился и произнес слегка неожиданную речь. В предисловии к книжке, имевшей выйти в следующем году (Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. *Ex ungue leonem: Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности*. М.: Новое литературное обозрение, 2016), я описал этот эпизод в игриво обезличенном ключе:

Недавно... на презентации моей книжки мемуарных виньеток... выступил почтенный и очень уважаемый мной коллега. Его речь была, в соответствии с неписанным ритуалом подобных okazji, выдержана в неизбежно хвалебном ключе, но не лишена эффектных риторических выражений. Говоря на языке приемов выразительности, рассматриваемых в настоящей книге, им было применено ОТКАЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Он начал с рассказа о том, с каким недоумением реагировал он в своей филологической молодости на перегруженные... формулами мои (и Щеглова) работы 1970-х годов... Его недоумение возросло еще больше... когда полтора-два десятка лет спустя он стал знакомиться с моими более поздними, вполне осмысленными, на его взгляд, сочинениями. Ему было непонятно, как человек, способный написать нечто литературоведчески приемлемое... мог годами заниматься столь скучной и бесплодной структуралистской абракадаброй! Развивая далее свой комплиментарный нарратив, коллега перешел к похвалам... моей совершенно уже человеческой мемуарной прозе.

Книжка вышла, была подарена Коле, и через какое-то время я позволил себе поинтересоваться, прочел ли он предисловие, узнал ли себя и — случаем — не обиделся ли.

— Конечно, прочел, — был ответ, — конечно, узнал, а на что там обижаться? Если бы я знал, что вы используете мою речь в этой книжке, я бы добавил, что очень не люблю детские рассказы Толстого.

Последний контакт был совсем незадолго до его смерти. Я занимался разбором песни Окуджавы «Антон Палыч Чехов однажды заметил...» и приводил там забавный рассказ Александра Городницкого о том, как

в середине восьмидесятых на концерте авторской песни в Ленинграде один из участников закончил свое выступление песней «Баллада о певчей стае», посвященной Булату Окуджаве, кончавшейся так: «Летит наш певчий клин, которому названья нету, / И впереди вожак, которого зовут Булатом». После чего на сцену вышел Булат Окуджава, предыдущего выступления не слушавший, и спел свою знаменитую песню о дураках: «Дураки любят (sic! — А.Ж.) собираться в стаю. Впереди главный во всей красе», чем вызвал большое оживление в зале.

Коля — среди прочего, знаток авторской песни и автор недавней книги о ней, — имел, что добавить и по этому поводу:

История Городницкого относится к Ленинграду, а я сам был свидетелем того же самого в Москве, во время концерта 4 октября 1986 года на Малой спортивной арене «Лужников». То есть вряд ли можно говорить о gaffe, это стало рассчитанной шуткой (электронное письмо Н.А. Богомолова ко мне от 8 сентября 2020 г. — А.Ж.).

Статья вышла (в «Звезде» — 2021, № 1), я успел посвятить ее памяти Богомолова.

Вот такой он был — серьезный, знающий, щедрый на подсказки, с чувством юмора и собственного достоинства, прямой, молчаливый — взвешивающий каждое слово.

Тяжелая потеря.

*Мы с Богомоловым на конференции по авангарду в Белграде.
Сентябрь 2007 г. Фото Лады Пановой*